Питер Фразе

Воображаемое сообщество

Понятие «класса» в левой теории всегда заключало в себе проблему. Известное разделение на «класс-в-себе» и «класс-для-себя» лишь обозначает эту проблему, но само по себе отнюдь не разрешает ее. Как класс из социологической категории, совокупности людей, объединенных неким общим признаком, превращается в живую политическую силу? Какие механизмы оказываются при этом задействованными? И стоит ли искать революционный субъект в пространстве экономики, как будто из экономического статуса автоматически вытекает статус политический? Американский исследователь Питер Фразе попытался порассуждать об этих вечных для левой теории проблемах, поставив под вопрос границу между «классовой политикой» и «политикой идентичности». Действительно, начиная с 1980-х годов в левой среде и академических кругах говорят об identity politics. Принято считать, что «политика идентичности» принципиально отличается от «старой» классовой политики и политики перераспределения материальных благ. Но само это разделение Фразе считает необоснованным: «старая» марксистская классовая политика была не в меньшей степени политикой идентичности, чем современные экологические, феминистские, ЛГБТ-движения. Формирование коллективной идентичности, в понимании которой Фразе следует за Бенедиктом Андерсоном с его идеей «воображаемого сообщества», — необходимый элемент любой массовой политики. Для марксистов этот элемент остается слепым пятном хотя бы в силу определенных тенденций в теории самого Маркса. Фразе предлагает рассмотреть данную проблематику, рассматривая случай борьбы против антипрофсоюзных законов в штате Висконсин в 2011 году, отличавшуюся многодневной оккупацией парламента штата, митингами и упорством десятков тысяч протестующих. Фразе предлагает свое объяснение этого упорства.

Илья Матвеев

Фразе Питер — социолог, редактор нью-йоркского интернет-журнала Jacobin. Научные интересы: сравнительная макросоциология, государство всеобщего благосостояния, рынки труда, урбанистика, качественные методы.

Перевод выполнен по Simmel G. Bridge and Door // Lotus International. Milan: Electa Spa, 1985. Vol. 47. P. 52–56.

Перевод публикации из интернет-журнала Jacobin (https://www.jacobinmag.com/2012/11/an-imagined-community) опубликован на сайте «Открытая левая». (http://openleft.ru/? p=868)

Матвеев Илья Александрович — политолог (МГУ, 2010), кандидат политических наук (МГУ, 2013), старший преподаватель ФСПИ СЗИУ, слушатель PhD-

Я вырос в Миннесоте, но в 1998 г. уехал оттуда. Моя связь со штатом ограничивается просмотром местных новостей и матчей бейсбольной команды «Миннесота Твинз». И все же, глядя, как в Висконсине в начале 2011 г. протестовали против атаки губернатора Скотта Уокера на профсоюзы, я чувствовал смесь гордости, стыда и ревности. Те же самые эмоции испытывали многие египетские активисты, глядя на своих соседей в Тунисе, захвативших лидерство в политических переменах на Ближнем Востоке.

Возможно, именно благодаря сочетанию эмоциональной привязанности к американскому Среднему Западу и интеллектуальной приверженности к левой политике события в Висконсине способны дать ключ к великой нерешенной загадке XXI в.: отсутствующему коллективному агенту антикапиталистической трансформации.

Отсутствие революционного агента — центральная проблема для левых с 1960-х годов. С тех пор диагностика и критика капитализма постоянно совершенствовалась и усложнялась. Циклы, кризисы и идеологии накопления капитала осмыслены такими теоретиками, как Дэвид Харви и Фредрик Джеймисон. Нет нехватки моделей того, как построить лучшее общество из уже существующих элементов, начиная с подробного сценария экономики участия Майкла Альберта и Роберта Ханеля и заканчивая открытыми схемами «реальных утопий» Эрика Олина Райта. Чего не хватает, так это организованной массы сторонников, способных осуществить переход от капитализма к чему-то лучшему.

Предшествующие поколения марксистов располагали концепцией коллективного революционного агента — так называемого рабочего класса. Однако важно понимать, что этот термин означал в политическом смысле. Он не просто относился к классу в структурном смысле: к рабочим, которые зарабатывают на жизнь, продавая свой наемный труд, и вступают в противостояние с капиталистами, чьей источник благосостояния основывается на найме работников и производстве ради прибыли. Рабочий класс в этом смысле составляет большинство даже в богатых странах, но бессмыслен в качестве коллективной идентичности и, следовательно, политически инертен. Это «класс-в-себе», а не «класс-для-себя», если пользоваться старым марксистским выражением. Хардт, Негри, Вирно и другие современные теоретики множеств говорят о похожей всеобъемлющей версии рабочего класса, но в их устах эта категория, скорее, выражает надежду на политику будущего, чем указывает на конкретный и существующий коллективный агент.

программы ЕУСПб. Научные интересы: современная политическая теория, фигура публичного интеллектуала и ангажированность, неолиберализм.

Рабочий класс в том виде, в котором он существовал в старом левом политическом дискурсе, является социологической категорией, зачастую относящейся к определенному типу наемных трудящихся: промышленному пролетариату, занятому на крупных заводах. Предполагалось, что такие рабочие — авангард социалистической политики не просто потому, что их эксплуатирует капитал, но потому, что они существуют в особой среде, выковавшей коллективную идентичность и способствующей массовой разрушительной активности: рабочие продолжительное время трудятся на заводах, где они собраны вместе, выполняя каждый день похожую рутинную работу.

Рабочий класс в этом специфически социологическом смысле потерял центральную политическую позицию как по причине структурных изменений в экономике, так и в силу трансформации политического сознания левых. Капитализм все больше вытесняет промышленных рабочих машинами, в результате в экономике начинает все больше доминировать культурное производство и занятость в сфере услуг, что не способствует солидарности так, как старая заводская модель. В то же время национально-освободительные и феминистские движения заставили признать тот факт, что старая концепция рабочего класса отводила центральную роль белым мужчинам из числа «рабочей аристократии», маскируя как неоплачиваемый домашний труд, так и роль расизма в исключении не-белых из привилегированных секторов экономики. И как бы ни любили старые левые изображать рабочий класс в качестве универсальной идентичности, суммирующей частные интересы (нынешние ностальгирующие левые, вроде Вальтера Бенна Майклса, изображают его тем же образом), рабочий класс в социологическом смысле всегда был видом политики идентичности.

Назвать политику рабочего класса видом политики идентичности, тем не менее, не означает ее нивелировать. Все успешные политические движения опираются на то, что историк Бенедикт Андерсон называет «воображаемым сообществом». Андерсон ввел термин в одноименной книге для анализа концепции «нации». Цель книги — объяснить, почему «после Второй Мировой войны каждая успешная революция самоопределялась в национальных *категориях». Андерсоновское определение применимо не только к национализму, но и к любой коллективной политической идентичности, необходимой для успешного политического движения.*

Нация, утверждает Андерсон, есть воображаемое сообщество, причем воображаемое одновременно как ограниченное и суверенное. Оно воображаемое, потому что даже в самой маленькой стране у нас есть возможность знать лишь крохотную долю людей, составляющих «наше» сообщество. И все же мы думаем, что это наше сооб-

щество, испытываем чувство общности и солидарности с людьми, которых мы не знали и никогда не узнаем лично. Но сообщество нации также ограничено в том смысле, что оно не охватывает все человечество. Трудно поддерживать чувство единства и смысл существования воображаемого коллектива, если он не способен выделиться на фоне других сообществ, от которых он отличен.

Для левых недовольство национализмом и воображаемыми идентичностями в целом принимает две формы. Первая — недоверие к любой политике, которая не основывается явным образом на противопоставлении труда и капитала, поскольку такие движения могут играть на руку национальным буржуазиям, стремящимся скрыть классовый конфликт. Вторая — отрицание идеи любого ограниченного сообщества, основанное на опасениях, что такое понимание различия неминуемо приведет к насилию и репрессиям на основе групповой идентичности. Этот страх, конечно, не является беспочвенным, учитывая опыт XX в. Для некоторых левых единственный коллектив, членом которого допустимо себя считать, — это все человечество.

Опасения, что политика идентичности — всего лишь прикрытие буржуазной идеологии, конечно, могут быть обоснованным. Но в той же мере эти опасения могут относиться к классовой политике, как в случае с искаженным про-корпоративным популизмом американских правых из движения Tea Party. И поскольку классовая идентичность — это всегда идентичность особенного социологического класса, а не рабочего класса в целом, она может служить прикрытием для сохранения привилегий определенной социальной группы. Простое заявление, что какое-либо движение имеет классовую основу, не снимает вопрос о конструировании воображаемого сообщества, но подразумевает его: люди должны осознать свой класс как единство, в которое входят другие люди, отличные от них по расе, полу, гражданству или позиции на рынке труда.

Можем ли мы представить свои сообщества как ограниченные, но не доминирующие над другими сообществами? История националистических движений в государственной власти в этом отношении не вызывает энтузиазма, но, возможно, американцы могут обнаружить у себя дома более многообещающий пример. Размышляя о национализме в США, мы чаще всего вспоминаем реакционные проявления американского национализма: ура-патриотизм, шовинизм, отстаивание интересов деловых кругов и проч. Но для всех жителей страны, которые видят себя американцами, США —

это в том числе набор мощных идентичностей, которые могут дать многое для прогрессивного развития. Поддержание этих идентичностей не обязательно связано с желанием доминировать или уничтожать всех остальных. Подумайте, к примеру, о самом ярком способе выражения региональной идентичности — поддержке местных локальных спортивных команд. Матчи между городами и штатами — это дружеское соревнование, а не примитивная ненависть.

Протесты в Висконсине учат, что региональные идентичности обладают политическим значением. Этот конфликт главным образом обсуждался в терминах противостояния республиканцев и демократов или капитала и труда. Протесты были в том числе об этом, но они касались также представлений о том, какой является и должна быть культура Висконсина. Политика протестов нередко представлялась как проявление самой сути штата — «висконсинности». Возможно, самый широко распропагандированный символ протестов — шляпа в форме куска сыра, характерный аксессуар фанатов футбольной команды «Грин Бэй Пэкерз», которую носили протестующие в знак солидарности с Висконсином по всей стране. Затем игроки «Пэкерз» вышли на улицы, и слова их так много значили не потому, что они звезды, но оттого, что футболисты занимают ключевые позиции в одной из самых престижных институций штата.

Рассуждая на более абстрактном уровне, историк Кристофер Фелпс утверждает[1], что протесты черпали силу и легитимность в наборе общих норм, уникальных для Висконсина, так называемой «висконсинской идее» — популистском левом понятии, что правительство и экономика должны отчитываться перед простым человеком. Идея восходит к политику начала XX в. Роберту Лафолету, работавшему учителем в школах штата. Его имя нередко вспоминают, когда требуется объяснить миссию университетской системы Висконсина. В самой «висконсинской идее» нет ничего исключающего или шовинистского. Ее задача — дать всем винсконсинцам опору, с помощью которой они могли бы определить себя как часть воображаемого сообщества с общими прогрессивными ценностями.

Идея укоренить левую политику в общей идентичности штатов и регионов может казаться анахронизмом, идти вразрез с расхожими социалистическими и марксистскими стремлениями обосновать политику в труде. Но подобно тому, как социологический рабочий класс, воображаемый старыми левыми, был всего лишь особым проявлением базовой структурной оппозиции между ка-

1 Phelps C. The Wisconsin Idea // The Chronicle of Higher Education. 2011. URL: http://chronicle.com/article/The-Wisconsin-Idea/126 553

питалом и трудом, так же и формирование идентичности в пространстве классовой политики и места в производстве привязано к определенной исторической эре. Борьба за городское развитие, экологическую справедливость, государство благосостояния — в той же степени классовая борьба, как забастовки и другие акции, связанные с трудом. Следовательно, необходимо вообразить политическую идентичность, которая схватывает всю динамику производства и воспроизводства за стенами заводов. Признавая этот факт, многие активисты сегодня расплывчато говорят о «сообществе» (community). Но лучше дать такому сообществу имя, место, историю, набор символов, которым можно пользоваться в политической борьбе, т. е. предложить «висконсинскую идею».

Другие штаты и регионы должны найти в своем прошлом то, что можно применить для создания жизнеспособной прогрессивной идентичности. В западных штатах существует радикальная рабочая традиция wobblies[1] и шахтеров. Нынешнюю культуру Северной Калифорнии и тихоокеанского северо-западного побережья часто высмеивают за хипповский нарциссизм, но она может создать основу для более содержательной политики прогрессивного космополитизма. На северо-востоке США есть радикальная традиция рабоче-ремесленного республиканизма янки, которая уходит в годы революции, а также гордая история аболиционизма. Регион Апалачи, нынешний центр расового рессентимента, также располагает своей историей рабочей борьбы. Элементы прогрессивной идентичности есть даже на Юге, где доминирует реакционная локальная политическая идентичность и современные правые националисты: контр-история Юга начинается с сообществ беглых черных рабов и индейцев и продолжается в Студенческом координационном комитете ненасильственных действий[2].

Какую бы идентичность мы не сконструировали, она будет, как указал Бенедикт Андерсон, воображаемой. Как иронические субъекты постмодерна, мы не можем не столкнуться с искусственностью своих идентичностей. И это справедливо, поскольку от нас требуется конструировать новую идентичность осознанно, а не воспользоваться уже готовой. Некритично присвоить прошлое означает исключить все тех, кто был в нем исключен. Современная «висконсинская идея», например, должна охватить не только крепких

1 Жаргонное название членов профсоюза Industrial Workers of the World, наиболее активного в 1910–1920-х годах.

2 Данная организация играла активную роль в движении за гражданские права. — Прим. перев.

фермеров, но и их беднейших соседей из Милуоки и иммигрантов-хмонгов из западного Висконсина.

К счастью, сила национализма не зависит от примордиального прошлого или аутентичной привязки к земле; можно почувствовать идентичность, даже если ты знаешь, что она искусственна. Мое собственные чувства к Миннесоте не менее реальны, если я знаю, что они воображаемы. Подобно египтянам, которые на Тахрире рассказывали о своем видении перемен на всем Ближнем Востоке, у меня тоже есть мечта о переменах на всем американском Среднем Западе. Когда люди Миннесоты восстанут, чтобы свергнуть свои коррумпированные и самодовольные элиты, я вернусь первым же самолетом, чтобы к ним присоединиться.

Перевод с английского Ивана Напреенко